

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана в 2002 году

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Белая гвардия
Дни Турбиных
Бег

Москва 2024

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Б90

Оформление серии *Наталы Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников *Николая Дмитриева-Оренбургского* и *Ивана Владимирова*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 **Белая гвардия; Дни Турбиных; Бег / Михаил Булгаков. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Библиотека всемирной литературы).**

ISBN 978-5-04-174737-4

Роман «Белая гвардия» рассказывает о гражданской войне на Украине в 1918 году. Булгаков описывает реально происходившие события, а у многих персонажей были существующие прототипы, поэтому роман имеет не только художественную, но и документальную ценность. Критика приняла его неоднозначно, советская власть и эмигрантские круги сочли его слишком лояльным противоположной по убеждениям стороне. Задумываясь, как часть большой трилогии о годах гражданской войны, «Белая гвардия» осталась единственной написанной частью, но послужило основой для пьесы «Дни Турбиных». Пьеса была написана по заказу МХАТа в 1925 году и годом позднее разрешена к постановке. Как и роман, она описывает события гражданской войны и личную трагедию семьи Турбиных, происходившую на фоне слома эпох и крушения старой жизни.

Пьеса «Бег» написана на основе воспоминаний второй жены Булгакова об эмиграции в период гражданской войны, и также описывает реальные события. При жизни автора пьеса не была поставлена, ее раскритиковал лично Сталин: «Бег» в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление». Впервые игралась на сцене в 1957 году.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-174737-4

© Булгаков М.А., наследники, 2024
© Баринаева А. В., предисловие, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Содержание

«УЕЗЖАЮ. — УЕЗЖАЕШЬ.
НЕ ВЕРНЕШЬСЯ. — НЕ ВЕРНУСЬ...»

Саша Филбар

5

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Роман

29

ДНИ ТУРБИНЫХ

Пьеса

347

БЕГ

Пьеса

434

«УЕЗЖАЮ. — УЕЗЖАЕШЬ.
НЕ ВЕРНЕШЬСЯ. — НЕ ВЕРНУСЬ...»

18 апреля 1930 года в квартире русского писателя и драматурга, классика мировой литературы Михаила Булгакова раздался звонок телефона: *«Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин».*

«Звонил из Центрального Комитета партии секретарь Сталина Товстуха, — писала в своих воспоминаниях вторая жена Булгакова, Любовь Белозерская. — К телефону подошла я и позвала М. А., а сама занялась домашними делами. М. А. взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул «Любаша!», что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от телефона наушники). На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и называл себя в третьем лице. «Сталин получил, Сталин прочел...».

— Что мы вам — очень надоели? — неожиданно поинтересовался «отец народов». — Может быть, вы хотите уехать за границу?

Незадолго до знаменательного события Михаил Афанасьевич и впрямь размышлял об отъезде. *«Все мои пьесы, — сообщал Булгаков в письме к брату Николаю в Париж, — запрещены к представлению в СССР, и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой моей выпустить за границу на любой срок».*

С момента постановки в 1926 году на сцене МХАТа «Дней Турбиных», имевших, к слову, оглушительный успех, прошло несколько лет. Пьесы Михаила Булгакова не прини-

мались театрами, а если и принимались — репетиции шли так вязко, так бесконечно, что делалось совершенно очевидно: свет они не увидят.

И сложно себе вообразить, сколько сочувственного небрежения умещалось в этих кратких, а подчас и длинно-вишневых, даже, можно сказать, почти дружественных отказах. Если задуматься, карьера Булгакова-драматурга вообще едва ли не трагичнее его писательской судьбы. Пьесы, если не брать в расчет владикавказский период, под его фамилией едва успевали дойти до сцены, как тут же беспощадно подвергались тщательнейшему изучению, с тем чтобы после быть забракованными. Слишком уж смелым казался этот невысокого роста худощавый человек с нездешним каким-то, тихим, но непоколебимым достоинством. С такой простотой, с такой глубиной и грустью выворачивал он наизнанку то, что, казалось, лучше было бы спрятать подальше, убрать в темный угол до *лучших времен*, что его произведения боялись, а потому ругали их, беспощадно втапывали в грязь, — будто единственной целью критикующих было доказать Булгакову — он бездарен. Виданное ли дело — с таким упоением, с непозволительной нежной грустью рассказывать о людях, которые должны были, по мнению правительства, быть уничтожены как класс!

Впрочем, пьесой, посвященной осколкам бывшей, до-революционной жизни, Сталин неожиданно остался очень доволен: *«Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы...»* А вот следующее произведение — «Бег» — было им отвергнуто. В этой пьесе он увидел попытку оправдать белую эмиграцию и назвал ее «антисоветским явлением». После этого в марте 1929 года было принято решение об изъятии всех пьес Булгакова из репертуара советских театров. Вдогонку в марте 1930 года была отложена на неопределенный срок и новая пьеса «Кабала святош», планировавшаяся для МХАТа. Впоследствии репетиции — изнурительные, полные бесконечных неразрешимых споров Михаила Булгакова и Константина Станиславского — тянулись целых пять лет. Спектакль, увидевший свет в 1935 году, оставил на душе

у литератора тягостное, неприятное впечатление. Но прежде наступила еще более тяжкая, тихая пора.

Безвестность, вынужденное молчание повергали Булгакова в беспроглядную тоску. Лишенный возможности писать, он будто бы делался меньше ростом, старел, не находил себе места. И в конце концов в марте 1930 года написал письмо Правительству СССР с просьбой покинуть страну:

«Я прошу принять во внимание, что невозможность писать для меня равносильна погребению заживо...»

«Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в Отечестве, великодушно отпустить на свободу. Если же меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу советское правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера».

Мог ли он предположить, что отчаянная его просьба, направленная по большому счету в никуда, получит такой неожиданный в какой-то степени судьбоносный отклик?

— А может быть, правда — вы проситесь за границу? — повторил Сталин.

Булгаков молчал. Он не знал, что ответить. Готового решения у писателя не было. Молчал на другом конце провода и его собеседник. Наконец Михаил Афанасьевич произнес:

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне Родины. И мне кажется, что не может.

Сталин остался удовлетворен ответом. Дальше диалог развивался стремительно.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами.

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю вам всего хорошего.

10 мая 1930 года Булгаков оказался принят на службу во МХАТ в качестве режиссера-ассистента, а еще через два года возобновлены были показы «Дней Турбиных».

Так о чем же думал, что чувствовал писатель, даже не в момент судьбоносного разговора — прежде, в период затянувшегося затишья, когда размышлял о том, чтобы покинуть свою Родину, как сделали это герои его, так и не воплощенного при жизни писателя на сцене, «Бега». Могли всерьез вообразить свою жизнь за пределами страны? И главное — за пределами родного языка, горячо любимых, не раз описанных в книгах мест, ощущений, воспоминаний, в конце концов?

Основные его произведения, посвященные эмиграции (или отказу от нее): «Бег», «Дни Турбиных», «Белая гвардия», были задуманы многим раньше, чем Булгаков сам задумался о побеге. Но все-таки было и в них, и в собственных тоскливых, отчаянных мыслях писателя, что-то неуловимо общее. Вероятнее всего, — тоска по иной, не сложившейся или навсегда утраченной жизни в родных местах. Ностальгия, способная возникнуть даже без факта отъезда.

Проза Булгакова вообще глубоко автобиографична. В свои тексты литератор будто бы косвенно, незаметно поместил и собственную судьбу. Не случайно, драматическая история Турбиных разворачивается именно в Киеве.

Сам Булгаков родился в этом городе на Воздвиженской улице, а позднее семья переехала в дом 13 на Андреевском спуске. Именно этот незамысловатый, скромный особнячок, теперь густо увитый плющом, так что летом или ранней осенью почти не разглядеть окон, и стал потом литературным пристанищем булгаковских Турбиных. Наделил классик вымышленное, но все-таки узнаваемое строение (в романе и пьесе оно значится по адресу: Алексеевский спуск, 13) не только внешностью собственного родного дома, но и атмосферой, милыми сердцу вещичками: *«...мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шпильками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, лежащим на берегу шел-*

кового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром...»

Или: «Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади "Саардамский Плотник", часы изгнали гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырьчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем».

Родные стены, дом, родные — все это имело для писателя огромное, непреходящее, едва ли не первостепенное значение в жизни. Воспитанный в профессорской, довольно известной киевской семье, Булгаков провел счастливое детство: окруженный любовью и заботой родителей, он, кроме того, погружен был в атмосферу музыкальных вечеров, совместных походов в театр, густо пахнувших выпечкой и хвоей — уютных домашних празднеств. И все это, что потом так печально, так безвозвратно кануло в водовороте истории, судьбы целого класса людей, делало тогда, до революции, жизнь легкой, бестревожной, упоительно прекрасной. Трудно вообразить, ведь Михаил Афанасьевич в юности даже мечтал быть артистом: играл в домашних спектаклях, сочинял небольшие драматургические произведения. И все это, все — навсегда сохранилось в его сердце, как символ безусловной радости, счастья, гармонии, при которых все казалось возможным. Позже, вероятно, именно эта, идущая из юношества, нереализованная страсть к театру, желание быть на сцене и воплотилась в его болезненной привязанности к МХАТу — его главной любви и боли...

Так или иначе, именно семья сформировала и образ мышления Булгакова, и его трепетную, несмотря на выбранную профессию врача, натуру и оставила в сердце на всю жизнь сладкий, но печальный след. В образах героев «Белой гвардии» (а позднее и «Дней Турбиных», несмотря на многочисленные редакции) он увековечил портреты своих

близких. Образы дома, братьев, сестер, мамы, отца проходят через всю булгаковскую прозу как символ, затертое от времени изображение навсегда утраченного счастья.

Булгаков окончательно покинул дом на Андреевском спуске в 1919 году. За год до этого в судьбу его семьи властно и безжалостно вмешалась гражданская война, разметала по свету близких, бросила пустовать некогда шумный, полный тепла и света дом. Впрочем, глубокий след в душе Михаила Афанасьевича оставило не только расставание с родными. Довелось ему стать свидетелем чудовищных кровопролитий – почти двадцать переворотов пережил город. В очерке «Киев-город» Булгаков писал: *«По счету киевлян у них было 18 переворотов, некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил».*

Размеренная, привычная жизнь исчезла. Город пришли защищать, как сказано будет позднее в «Белой гвардии», «четырнадцать офицеров, три юнкера, один кадет и один актер из Театра миниатюр».

Так свидетелем чего же довелось стать будущему классику? Начала новой эры? Смертоносного кровопролития? Кто-то сказал: электрическая лампа перед тем, как перегореть, дает ослепительную вспышку. Вот при такой прощальной «вспышке» исчезающей эпохи элитарной культуры присутствовал двадцатисемилетний врач, открывший частную практику на Андреевском спуске.

Именно эти события двух кровавых, темных, полных вязкой неопределенности киевских лет, так поразившие Булгакова, оставившие на душе его несмываемую печать, как известно, завязали основные линии его собственного искусства, его художественного сознания. Первые итоги пережитого были осмыслены позднее в «Белой гвардии» и заново пересмотрены, прочувствованы в «Днях Турбиных» – совершенно в конечном итоге ином произведении, которое получилось путем изнурительной работы вместе с мхатовскими студийцами в 1925-1926 годах.

Как медика Булгакова мобилизовали петлюровцы, затем белогвардейцы — этот бесчисленный калейдоскоп мобилизаций, режимов, обстоятельств описан им будто бы с легкой иронией в рассказе «Необыкновенные приключения доктора». Незнакомый герой — медик, прежде чем покинуть захлебывающуюся в крови и безумии страну, ведет дневник, где саркастично, тонко, с какими-то даже чеховскими нотками, жалуется на регулярную мобилизацию то одними людьми, то другими. И готовый наконец разразиться гомерическим хохотом, читатель спотыкается вдруг о финальное — страшное, полное очень понятного бессильного отчаяния и теперь: «Проклятие войнам отныне и вовеки!».

Доктору, если верить в благой исход, удалось бежать. Точно так же, как выпало счастье спастись и персонажам «Бега»: нежной Серафиме, трогательному в своем никому уж теперь не нужном благородстве Сергею Голубкову. Эти двое в череде прочих покинули родные берега, чтобы начать маяться едва ли не сразу после отбытия. Может быть, именно на этой горькой скуке, обиде за поломанную судьбу (только вот на кого? *На кого?*) и зародилось меж ними осторожное чувство. Чтобы не было так одиноко. Ведь переезд, даже запланированный, что уж говорить о внезапном, вынужденном, — всегда про одиночество, потерянность и в иной культуре, и просто там, где все другое, дру-го-е. Не упоминая уж о том, что вынуждены были бежать из России, да и со всех территорий будущей Страны Советов, люди совершенно определенного склада ума, характера, образа мыслей. Воспитанные если не в роскоши, так уж точно в комфорте и, главное, достоинстве, которые разом у них были отобраны, разломаны, вытоптаны тяжелыми сапогами революции и всего, что за ней последовало, они уезжали, не только проиграв войну, — они бежали, проиграв собственную жизнь. Обычные люди, прежде всего желавшие жить так, как они жили. Вот и все их желания.

Остались бы они в своих домах, дозволь того обстоятельства? Безусловно. Но обстоятельства не позволили,

вмиг превратив их, еще вчера благополучных, счастливых, в скитальцев, до кого, по большому счету, никому не было дела.

Около пятнадцати лет назад мне довелось побывать на знаменитом русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа неподалеку от Парижа — там нашли свое последнее пристанище бывшие белые офицеры и их семьи. Вынужденные бежать из родной страны без ничего, раздавленные, уничтоженные морально, эти прекрасно образованные, мыслящие люди должны были до конца жизни работать таксистами, официантами, лакеями. Можно ли вообразить положение более унижительное? И вероятно ли не потерять при этом чувство собственного достоинства?

Уже на выходе, у самой ограды, я столкнулась с двумя женщинами, одна из них, совсем уже старуха, едва волочившая ноги, отчего-то привлекла мое внимание.

Чем же?

Была в ней какая-то незнакомая и неясная нам, современным людям, стать, величие, если хотите, так что нельзя было не угадать во всем ее существовании принадлежность к тому навсегда стертому, прошедшему безвозвратно миру, осколком которого были и Турбины, и, пожалуй, сам Булгаков.

Отчего уезжали те — другие? Отчего уезжают сейчас? Может быть, чтобы не видеть «красной короны» — образа из едва ли не самого жуткого, наводящего оцепенение короткого рассказа Булгакова о двух братьях, где один становится свидетелем последних минут жизни другого и теряет рассудок, увидав вместо родного лица кровавое месиво, показавшееся ему издали красной царской шапкой с острыми краями на концах.

Сам Булгаков провел годы гражданской войны во Владикавказе, куда в 1919 году отправлен был, мобилизованный Белой армией в качестве медика.

Именно в этот период, с 1919-го по 1921-й, родились у него, как последствия всего увиденного, и в Киеве, и позже, рассказы «Красная корона», «Китайская история» и

другие. На пути к месту своей службы писатель заразился тифом. Когда он был в бреду, балансируя на грани жизни и смерти, являлись ему картины, которые с трудом можно было принять за реальность: повешенные на дорожных столбах рабочие и красноармейцы, уничтожение белыми мятежных горных аулов. Но все это было правдой, стократ усиленной воспаленным сознанием.

Позже, все еще пребывая во Владикавказе, Булгаков, как видно, до того потрясенный увиденным, неспособный пережить это, как всякий одаренный человек, внутри себя, все-рез принялся за писательство. Здесь же была начата «Белая гвардия», об этом свидетельствует письмо литератора своему двоюродному брату Константину: *«Я упорно работаю. Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое».*

Родился масштабный, полновесный, серьезный роман из короткой пьески — «Братья Турбины». Тогда, еще задолго до встречи со своей трагической любовью, Московским художественным театром, Михаил Афанасьевич был, можно сказать, востребованным драматургом. В местном владикавказском театре за краткий период были поставлены четыре из пяти пьес («Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи», «Парижские коммунары», «Сыновья муллы»). Каждое произведение, а после и спектакли, имели по местным меркам невероятный успех.

«В туземном подотделе пьеса произвела фурор. Ее медленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла. В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыфи и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши, — после того как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, — кричали: — Ва! Подлец! Так ему и надо! И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: "Автора!". За кулисами пожимали руки. — Пирикрасная пьеса! И приглашали в аул...» — писал Михаил Булгаков.

Однако позже, в автобиографии, составленной в октябре 1924 года, Булгаков вспомнит опыт театральной работы во Владикавказе совсем не лестно и очень коротко: *«Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впо-*